

RU

Чернышевский о позднем Гоголе: феноменологический аспект критической рецепции

Печерская Т. И., Падерина Е. Г.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и обосновании взглядов Чернышевского на творчество позднего Гоголя, идущих вразрез с отрицательной оценкой Белинского («Выбранные места из переписки с друзьями»). В контексте журнального обсуждения посмертно изданных произведений Гоголя («Авторская исповедь», фрагменты второго тома «Мертвых душ», письма) анализируются рецензии и статьи Чернышевского 1850-х гг., связанные с Гоголем. Рассматривается формирование концепции критика о целостности личности и творчества Гоголя. Выявляются феноменологические особенности мышления Чернышевского, выраженные в противоречиях между теоретическими критериями оценки творчества художника, обоснованными им в «Эстетических отношениях искусства к действительности», ряде статей, и непосредственным личным эстетическим восприятием Гоголя. Научная новизна определяется характером научной рецепции, предполагающей анализ написанного Чернышевским в феноменологической проекции: фиксация двойственности структуры письма, создающей условия для проявления рационально-логического мышления и противоречащего ему непосредственного эстетического впечатления в рамках одного высказывания. В результате исследования обоснована необходимость корректировки устоявшегося в истории критики представления о солидарности Чернышевского с Белинским в подходе к позднему Гоголю, а также о неизменности взглядов Чернышевского на природу и назначение искусства в рамках «реальной критики».

EN

Chernyshevsky on Gogol's later works: a phenomenological aspect of critical reception

T. I. Pecherskaya, E. G. Paderina

Abstract. The research aims to identify and substantiate Chernyshevsky's views on Gogol's later works, which contradict Belinsky's negative assessment ("Selected Passages from Correspondence with Friends"). In the context of the journal discussion of Gogol's posthumously published works ("Author's Confession", fragments of the second volume of "Dead Souls", letters), Chernyshevsky's reviews and articles from the 1850s related to Gogol are analyzed. The formation of the critic's concept of the integrity of Gogol's personality and work is considered. The phenomenological features of Chernyshevsky's thinking are revealed, expressed in contradictions between the theoretical criteria for evaluating the work of the artist, substantiated by him in "The Aesthetic Relations of Art to Reality", a number of articles, and the direct personal aesthetic perception of Gogol. Scientific novelty is determined by the nature of scientific reception, which involves analyzing what Chernyshevsky wrote in a phenomenological projection: fixing the duality of the letter structure, which creates conditions for the manifestation of rational-logical thinking and the direct aesthetic impression contradicting it within the framework of one statement. As a result of the research, the need to correct the established idea in the history of criticism about Chernyshevsky's solidarity with Belinsky in the approach to Gogol's later works, as well as about the immutability of Chernyshevsky's views on the nature and purpose of art within the framework of "real criticism" is substantiated.

Введение

Предметом наблюдений являются рецепция позднего Гоголя, особенность оценки его творчества и мировоззрения Н. Г. Чернышевским в 1850-е годы.

Актуальность исследования обусловлена востребованностью современных подходов, позволяющих по-новому подойти к изучению критического наследия Чернышевского, в частности, расширить сложившееся в чернышевсковедении представление о восприятии критиком позднего Гоголя.

В задачи исследования входит: (1) изучение взглядов критика на личность и произведения Гоголя, выраженных в «Очерках гоголевского периода», статьях и рецензиях 1850-х годов; (2) анализ концепции Чернышевского в контексте обсуждения в критике 1850-х годов творчества, мировоззрения, личности Гоголя; (3) исследование особенностей двойственной оценки Гоголя Чернышевским: противоречие между высочайшей оценкой Гоголя-художника как автора «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Авторской исповеди», второго тома «Мертвых душ» и постулатами теории искусства, впервые сформулированными в «Эстетических отношениях искусства к действительности» и далее развитыми в рамках «реальной критики».

В статье используется историко-литературный метод, позволяющий проанализировать заявленную тему в контексте критической деятельности Чернышевского. Феноменологический аспект исследования представляется продуктивным для изучения способов выражения сложного взаимодействия внутренней интенции критика, коренящейся в особенности его художественного восприятия, с установками собственной теоретической концепции.

Теоретическую и историко-литературную базу составляют работы, связанные с изучением критической деятельности Чернышевского (Демченко, 2015; Стеклов, 1909; Берлинер, 1936); истории восприятия позднего Гоголя критикой (Десницкий, 1936; Марголис, 1998), литературных и общественных процессов середины XIX века (Лотман, 1974; Егоров, 2009); феноменологии писательской личности и биографии (Винокур, 1997).

Материалом исследования послужили статьи и рецензии Н. Г. Чернышевского, написанные в 1854–1858 годах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его основные положения, материалы при разработке курсов по истории русской критики XIX века, в научных исследованиях критического наследия Чернышевского.

Обсуждение и результаты

Высокая оценка Чернышевским произведений позднего Гоголя, неотделимых, по его мнению, по художественной ценности от предшествующего периода творчества, выраженная критиком в целой серии статей и рецензий 1850-х гг., до настоящего времени занимает периферийное место в исследованиях, касающихся изучения наследия критика. Это своего рода неудобное место, противоречие в сложившейся стройной концепции чернышевскоговедения относительно цельности суждений Чернышевского, связанных с концепцией реалистического искусства, разработанной им в русле «реальной критики». На наш взгляд, противоречие между суждениями и выводами критика относительно Гоголя, с одной стороны, и его концепцией искусства – с другой – заслуживает специального изучения. Оно обнаруживает интересный феномен сознания Чернышевского, проявившийся в особой манере письма, позволяющей пишущему, не смещая критериев логически упорядоченной концепции реалистического искусства, отчетливо выразить внутреннюю интенцию восприятия позднего Гоголя, по сути, идущую с ней вразрез и отражающую непосредственное личностное восприятие писателя. Выявлению и анализу проявления феноменологической двойственности мышления Чернышевского-критика и будет посвящена представленная статья.

Прежде чем обратиться к суждениям Чернышевского о позднем Гоголе, кратко обозначим литературно-критический контекст, в котором они формировались и развивались.

Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (далее «Переписка») озадачила современников, «разбудила мысль, привела в движение мнения, подняла вопросы» (Шевырев, 1848, с. 1). В разногласии мнений и бурных спорах о Гоголе, помимо «проклятых», по Достоевскому, вопросов о христианском и гражданском самосознании, путях спасения каждого и России в целом и т. д., вскрылась проблемность актуального самоопределения института литературной критики как таковой. Обсуждалась в основном не книга, а личность и человеческое достоинство Гоголя, его право на *такие* высказывания и права критики указывать писателю вообще и гению, в частности, пути и формы его творческой реализации. Юный Чернышевский был одним из немногих, кто не заподозрил автора «Переписки» в ханжестве, искательстве, самомнении или в религиозном фанатизме, кто не отказал ему в праве на самовыражение и не посчитал, в отличие от В. Г. Белинского и Н. Ф. Павлова, книгу свидетельством упадка таланта и отказа Гоголя от художественного творчества. Это известно по его дневнику и письмам к родным в 1847 году, а в печати Чернышевский выступил с защитой позднего Гоголя от упомянутых обвинений в 1850-е гг., когда перед литературной критикой встала задача понять «чрезвычайно оригинальную и загадочную личность Гоголя» (1947b, с. 774) и оценить его литературное наследие целиком.

В это десятилетие была издана обширная часть неизвестного ранее наследия Гоголя – большой объем писем, уцелевшие черновики второго тома «Мертвых душ», «Авторская исповедь» и т. д. (Жук, 1981, с. 352–353), появились биографические очерки о нем П. А. Кулиша, многие воспоминания. Печатные отклики и рассуждения о позднем Гоголе тех лет носят, за несколькими исключениями, апологетический характер в отношении автора «Переписки» и резко полемический в отношении критиков, обругавших книгу и ее автора в 1847 г., прежде всего – самого значительного из них, т. е. Белинского. Борьба журналов за влияние на общественное сознание и за лидерство в самоопределении литературы и критики, оставшихся на время без «классиков» на том и другом поприще, в гоголевском поле не играла, как свидетельствуют материалы столичной печати, никакой роли. «Москвитянин» (Ап. Григорьев, Б. Н. Алмазов, М. П. Погодин) продолжал, как и прежде, защищать Гоголя, но и «Современник» уже в 1854 г. опубликовал биографический очерк П. А. Кулиша, опровергающего своими комментариями и публикацией гоголевских писем прежние негативные мифы о позднем Гоголе.

В «Отечественных записках» апологетом мировоззрения позднего Гоголя выступил С. С. Дудышкин (1854), в «Библиотеке для чтения» при О. И. Сенковском – А. И. Рыжов (1855), а в 1856 г. – ставший ведущим редактором А. В. Дружинин (1988). Примечательно, что в установке критики этого десятилетия на понимание мировоззрения автора и генезиса «Переписки» солидарность наблюдается даже между доброжелателями и недоброжелателями. Будучи из последних, П. Е. Басистов, в частности, писал: «...вопрос о личности Гоголя стал в настоящее время на первом плане, отгеснив вопрос собственно-литературный; и пока не будет произнесено последнее, решительное слово о Гоголе, как человеке, до тех пор истинное значение всех его сочинений не может быть приведено в совершенную ясность» (1856, с. 21).

В описанной общей тенденции печати Чернышевский лидирует не только по количеству, но прежде всего по методичному развертыванию этих положений. Для Чернышевского 1850-х гг. «Переписка» – крайне важное явление ушедшей литературной эпохи и центральный вопрос гоголевской биографии, которым он задавался в отклике на каждую следующую публикацию гоголевских материалов. Поводом становились не только они, но и выход в 1855 г. второго и пополненного издания «Сочинений А. С. Пушкина» с биографическим очерком П. В. Анненкова, появление в печати ранее неизвестных произведений духовной прозы В. А. Жуковского. И в оценке их творческой и личной биографии, как и в оценке гоголевской, Чернышевский постулировал необходимость вначале уяснить – «на основе каких убеждений» родилось то или иное высказывание. «Слова еще ничего не значат; нужно знать, из каких стремлений возникают слова», – утверждал он (Чернышевский, 1948b, с. 629). А каждую следующую публикацию гоголевских текстов критик сопровождал положительной оценкой прибавления фактических данных и сетованием на недостаточность для окончательных выводов фактов, известных в данный момент.

Рассмотрим последовательно ход развертывания суждений Чернышевского. Первое печатное высказывание Чернышевского о «Переписке», втором томе «Мертвых душ» появляется в «Очерках гоголевского периода» (далее «Очерки...»), вышедших в «Современнике» (1855, 1856) и ставших программными для последующего утверждения концепции реалистического искусства. «Очерки...», как известно, посвящены критической рецепции Гоголя, разбору того, почему его не поняли критики и даже лучший из них – Белинский. Заметим, что, по сути дела, «пушкинское» и «гоголевское» направления литературы в середине века стали эквивалентом «эстетического» и «реалистического» направлений литературы. В самих очерках Чернышевский не касается непосредственно позднего Гоголя (за исключением третьей статьи, где в центре внимания – отношение к Гоголю Шевырева и рецензия последнего на книгу), однако тема все-таки серьезно затрагивается в примечании к первой статье.

Вначале необходимо указать на ближайший источник примечания – частично сохранившуюся, но так и не опубликованную рукопись статьи о Гоголе ([О сочинениях Гоголя]), написанную несколько ранее «Очерков...». Главное из нее перейдет в обширное (несколько журнальных полос) примечание. В рукописи статьи Чернышевский выдвигает целый ряд вопросов, стоявших в центре критического обсуждения: «Что же должно сказать об этих произведениях? Достойны ли они великого таланта Гоголя по литературным своим качествам? И, принадлежа той эпохе жизни автора, которая ознаменовалась “Перепискою с друзьями”, напоминают ли они прежнего Гоголя или только сочинителя этой переписки?» (1947b, с. 773). Далее Чернышевский главным образом касается «Авторской исповеди» в связи с «Перепиской» и черновыми фрагментами второго тома «Мертвых душ». «Авторская исповедь» рассматривается им как важнейший источник для понимания Гоголя как человека и художника. Сравнивая ее с «Исповедью» Руссо, самого Гоголя критик называет фигурой сродни новому Фаусту, «пожираемому жаждою высокого и благого знания и благородной деятельности», «прекрасною, пламенною и благородною личностью» (Чернышевский, 1947b, с. 775, 776). Указывая на некоторые «заблуждения», что дается «только высотой и силою нравственной личности человека», он признает полное право Гоголя на высказывание, выкупленное «страстным желанием блага родной земле, своим гением, своими заслугами перед всем русским обществом» (Чернышевский, 1947b, с. 775). Рассматривая материалы второго тома «Мертвых душ» с постоянной оговоркой относительно незавершенности, неопределенности их дальнейшей судьбы как всякой судьбы черновых набросков, Чернышевский выражает уверенность и в том, что некоторые слабые места, безусловно, были бы доведены до совершенства, а относительно лучших, по его мнению, фрагментов пяти глав не сомневается в сохранности «громادного таланта», достойного «великой и благородной славы» (1947b, с. 774).

Вернемся к «Очеркам...». Примечание первой статьи (Современник. 1855. № 12) в основном посвящено второму тому «Мертвых душ». Чернышевский выражает общее для рукописи статьи и примечания убеждение в том, что во втором томе остается «прежняя программа “Ревизора” и первого тома “Мертвых душ”», и находит в уцелевших отрывках «очень много таких страниц, которые должны быть причислены к лучшему, что когда-либо давал нам Гоголь» (1947b, с. 13). Однако при этом он заметно меняет направленность оценки и с теми же оговорками насчет черного характера фрагментов гораздо подробнее высказывается насчет слабых мест с точки зрения оценки писателем предмета изображения.

На наш взгляд, критерии достоинств и недостатков писателя в этом случае чрезвычайно сходны с теми, которые постулирует Чернышевский в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», опубликованной им отдельной книжкой накануне, в мае 1855 г. В диссертации предпринимается «попытка применить идеи Фейербаха к разрешению основных вопросов эстетики» (1949с, с. 121), как он позже напишет в предисловии к несостоявшемуся третьему изданию 1888 г. Другими словами, концепция искусства рассматривается исходя из антропоцентрической модели, помещенной в центр мира, понимаемого

материалистически. Не менее значимыми для формирования теории в целом являются по-своему осмысленные Чернышевским подходы позднего Белинского к реализму в литературе. Главные идеи диссертации, начиная с саморецензии, опубликованной в том же году, далее отраженные в «Очерках...» и различных статьях, были адаптированы и легли в основу базовых установок критики «реальной школы». История продвижения этих идей и восприятие «Эстетических отношений...» современниками не раз описывались исследователями, а потому не станем останавливаться подробнее (Стеклов, 1909; Егоров, 2009; Лотман, 1974; Демченко, 2015) и отметим важное здесь: значительное место в диссертации занимает тема предназначения искусства – объяснять жизнь, быть учебником жизни. Соответственно, особая ответственность возлагается на зрелость взглядов художника, его способность верно понимать жизнь и передавать это понимание в эстетической форме. Чернышевский пишет: «...поэт или художник... не может, если б и хотел, отказаться от произнесения своего приговора над изображаемыми явлениями; приговор этот выражается в его произведении, – вот новое значение произведений искусства» (1949b, с. 84). Выдвигая мысль о том, что произведения искусства тем успешней, чем ближе знаком художник с жизнью, которую он изображает, а в противном случае картина получается недостоверной и замещается фантазиями, Чернышевский, по сути, использует «общее место» литературного сознания предшествующего десятилетия, но помещает его в новый контекст, связанный с рассуждением о задачах искусства, призванного правдиво отображать действительность в тех формах, в которых она предстает перед художником.

Критика «ложных» идей Гоголя, проявившихся в том, как, например, изображается фигура Костанжогло – идеализация, фантазии о предмете, который не особенно знаком ему, – также сопровождается чередой оговорок, смягчающих причину «заблуждений» Гоголя объяснением «влияний», которым писатель не мог не поддаться, потому что «...не имел он достаточно твердой опоры ни в прочном современном образовании, ни в предостережениях со стороны людей, прямо смотрящих на вещи...» (Чернышевский, 1947с, с. 10). Тема внешних отрицательных влияний на формирование взглядов Гоголя (общественные, религиозные и пр.) в полной мере будет развернута в рецензии 1857 г. Заметим, что в постоянном оговаривании смягчающих, «извиняющих» обстоятельств, не отменяющих прямого, даже жесткость последующих суждений, нельзя не увидеть своего рода риторический прием, конструктивный элемент письма Чернышевского. Иногда он эксплицируется им открыто: «Сделав эти оговорки, внушенные не только глубоким уважением к великому писателю, но еще более чувством справедливого снисхождения к человеку, окруженному неблагоприятными для его развития отношениями, мы не можем, однако же, не сказать прямо, что понятия, внушившие Гоголю многие страницы второго тома “Мертвых душ”, недостойны ни его ума, ни его таланта... Мы должны сказать, что на многих страницах второго тома, в противоречие с другими и лучшими страницами, Гоголь является адвокатом закоснелости; впрочем, мы уверены, что он принимал эту закоснелость за что-то доброе, обольщаясь некоторыми сторонами ее» (Чернышевский, 1947с, с. 12).

В том же 1856 году, когда печатались «Очерки...» (1856. №№ 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12), параллельно с ними в 5-м и 6-м номерах вышли рецензии на новые издания, связанные с Гоголем. Речь идет о «Записках...», подготовленных Кулишом, и втором издании «Сочинений Гоголя» под ред. Н. Трушковского. Кроме расширенного эпистолярного корпуса и воспоминаний С. Т. Аксакова о Гоголе периода «Переписки», в «Записках...» использовались «Авторская исповедь» и уцелевшие черновые главы второго тома «Мертвых душ». Второе издание «Сочинений Гоголя» в шести томах было дополнено по отношению к прижизненному гоголевскому: новыми для читателей были «неизданные» сочинения в пятом томе (1855), а именно пять черновых глав второго тома «Мертвых душ» и «Авторская исповедь».

Параллельность осмысления Чернышевским неизвестных ранее материалов и писем по ходу работы над статьями «Очерков...» открывает для исследователя общее поле размышлений критика о личности и творчестве Гоголя, особенно в том, что касается позднего периода.

Оценивая «Записки...», Чернышевский указывает, что при значительном расширении состава писем «полноты и совершенной удовлетворительности в нашем знании Гоголя как человека, нет еще и теперь» (1947а, с. 524). Какого рода материалов особенно не хватает? В центре внимания Чернышевского постоянно находится главный вопрос: каким образом и когда сформировалось мироощущение писателя, следствием которого стали «Переписка» и все созданное рядом с ней. Обширные цитаты из писем Гоголя призваны опротестовать мнение о переломе, резком изменении взглядов и настроений писателя. Однако же, замечает критик, риторически апеллируя к противникам, «настроение духа», постоянно господствующее в Гоголе, не помешало ему написать все то, что было написано до «Переписки», включая первый том «Мертвых душ». Единство личности – сквозной мотив, определяющий взгляд Чернышевского на Гоголя и его творчество в целом. В душевном здоровье, осознанности и последовательности, а главное – искренности Гоголя, человеческой и писательской, Чернышевский нисколько не сомневается. Отметим, что сквозная для всех рецензий полемика с теми, кто был уверен в обратном, отсылает прежде всего к концу сороковых годов: «Каждый помнит, что публика и литераторы обвиняли Гоголя в двуличности, притворстве, ханжестве, когда в 1847 году явились “Выбранные места”» (Чернышевский, 1947а, с. 529).

В рецензиях 1856 г., при общем положительном взгляде, Чернышевский, как и в примечании к первой статье «Очерков...», отмечает места, представляющиеся ему слабыми с точки зрения выраженных взглядов. Всецело доверяя искренности Гоголя, Чернышевский доверяет и его самопризнаниям в ошибочности многих своих суждений. Тему «незрелости ума», почерпнутую у Гоголя и развернутую в аспекте формирования взглядов и мировоззрения писателя, Чернышевский подробно развивает в рецензии 1857 г. на «Сочинения и письма Н. В. Гоголя» в шести томах, изданные Кулишом (рец. в 8-м номере «Современника»), представляющей

собой полноформатную статью. Непосредственно к гоголевской теме примыкает рецензия того же года на издание «Сочинений В. Жуковского», включавшее не опубликованные ранее произведения духовной прозы (рец. в 5-м номере «Современника»). В статье критик прямо ссылается на свою рецензию и снова возвращается к уже написанному об участии поэта в углублении «созерцательно-христианского направления, которому предан Гоголь» (Чернышевский, 1948а, с. 587).

Как поясняет Чернышевский в рукописи, статья посвящена размышлениям «о развитии характера Гоголя под влиянием общественной обстановки» (в печатный текст это пояснение не вошло). По существу, статья, если и была первоначально задумана в указанном направлении, тематически развернулась гораздо шире. Выделим два направления, связанные между собою, но при этом противоречащие друг другу в конечных выводах. Одно соответствует приведенной нами пометке на рукописи, другое, гораздо более развернутое, – собственно «нравственной истории» Гоголя. От последней Чернышевский и отталкивается, формулируя общую установку намерений автора и задач статьи в целом. Как и ранее в рецензии на «Записки...», отмечая недостаточность сведений для того, «чтобы можно было прямым образом решить по ним, каков именно был этот человек», Чернышевский ставит задачу «приблизиться к решению вопроса о нравственной жизни Гоголя путем соображений» (1948b, с. 629). В узнаваемой манере делается немало оговорок насчет пробного характера построенной картины. Чернышевский предлагает расценивать свои «соображения» как «гипотезу», «догадки», «предположения», которые «никогда не должны иметь притязания на безусловную основательность» (1948b, с. 629). И, на первый взгляд, этому есть объективные причины – недостаток материалов. Но само сгущение подобных слов, их наращивание, будто бы даже самообесценивание надежности результата авторских усилий («...мы прежде всего постараемся отгадать...») позволяют увидеть риторическое назначение такого приема, обещающее нечто отличное от заявленного.

Действительно, уже во фрагменте, где излагается ход формирования общественных взглядов Гоголя, «соображения» излагаются в тоне, исключающем их предположительный характер. Чернышевский возвращается к теме примечания первой статьи «Очерков...» и рассматривает биографическую историю Гоголя в прямой зависимости взглядов писателя («как и всякого человека») от влияния общества и окружающих его людей. И здесь, судя по манере изложения, он не испытывает недостатка в сведениях и не сомневается в их истинности.

Он начинает излагать биографию Гоголя с петербургского периода и вписывает ее в общую атмосферу времени и состояния общества, существенно изменившихся от двадцатых к тридцатым и пятидесятым годам. Комментируя статью Чернышевского, А. А. Жук обращает внимание на сходство в характеристиках умственной атмосферы русской общественной жизни предшествующих десятилетий, развернутых Чернышевским с близкими характеристиками, представленными ранее в работе Герцена «О развитии революционных идей в России» (1850): «Живое общественное движение 1820-х годов; “жалкое и пустое время” последекабрьской реакции; углубленное умственное развитие сороковых годов; быстрое политическое созревание современного общества» (1981, с. 354). Название герценовской статьи довольно точно отражает подход, которым руководствовался Чернышевский, разделявший в этот период взгляды Герцена на перспективы революционного изменения общества. Другими словами, приведенная Чернышевским характеристика русского общества была общей константой убеждений демократов, настроенных радикально, тоже своего рода общим местом.

Характеризуя Пушкина, в дружеский и литературный круг которого попадает Гоголь, как человека «с талантом действительно великим, с умом действительно очень быстрым, с характером действительно очень благородным в частной жизни», Чернышевский отмечает, что «человеком современных убеждений он никогда не был» (1948b, с. 631). Из этого следует вполне логичное заключение: получив немало пользы «для развития формальной стороны своего таланта», Гоголь ничего не мог получить для развития серьезных, целостных взглядов на жизнь. В подходе к оценке влияния Пушкина и его окружения, по Чернышевскому, увлеченного только артистическим чувством, «артистическими красотами», другими словами, эстетикой слова, ярко проявляется актуальная для пятидесятих годов идея значимости для художника «современного» прогрессивного мировоззрения, едва ли не доминирующая в журнальной полемике «эстетиков» и «реалистов».

Отмечая крайне низкий уровень гражданского и общественного самосознания в целом, Чернышевский отмечает, что только «инстинкт благородной и энергической натуры» направил Гоголя к изображению общественной жизни, что истинно достойно «поэта идеи», а не только «поэта формы». «Повинуясь единственно инстинктивному внушению своей натуры», обладая природной склонностью к «серьезному взгляду на факты» (Чернышевский, 1948b, с. 632), Гоголь создает «Ревизора». При этом, продолжает Чернышевский, «он видит только частный факт, справедливо негодует на него, и тем кончается дело» (1948b, с. 632).

Что касается системного мировоззрения, то юный Гоголь уравниен здесь со всеми: «Он был похож на большинство полуобразованных людей, встречаемых нами в обществе» (Чернышевский, 1948b, с. 632). В целом в тридцатые годы, по мысли Чернышевского, Гоголь попадает во временной зазор между поколениями двадцатых и сороковых-пятидесятих годов. Первым было известно «воодушевление общественными идеями», у последних оно вспыхнуло снова (Чернышевский, 1948b, с. 628).

Период умственного возмужания, о котором говорит Гоголь в «Авторской исповеди», или, по Чернышевскому, второй период, когда возникает потребность «иметь систему убеждений», связан в статье со временем отъезда Гоголя за границу. Однако и здесь, отмечает он, в стороне от влияния людей «иноного образа мыслей» (т. е. таких, как Белинский, Герцен, Грановский) Гоголю не на что и не на кого было опереться. Именно этим объясняет Чернышевский «наивное» возвращение Гоголя к «обветшавшим авторитетам», оставшимся

у него с детства. По понятным причинам он не называет прямо Евангелие и круг христианских сочинений, имея их «книгами... какие некогда советовали ему читать в родительском доме» (Чернышевский, 1948b, с. 637). Такое обозначение позволяет ему говорить не о христианском чувстве, вероучении, а о некоем философском направлении мысли, окрашенном мистически-религиозно. По сути же речь идет о другом, и о детской притягательности религиозного чувства Чернышевский знает не понаслышке, но теперь он оценивает «книги» со всей жесткостью материалиста.

Приводя обширные выписки из писем, как и ранее, в разборе сочинений Жуковского («Посмертные сочинения в прозе»), он отмечает большое влияние поэта, разделявшего и поддерживающего духовный и творческий настрой Гоголя. Разницу между реакцией публики на духовную прозу Жуковского и Гоголя Чернышевский видит, кроме прочего, в разности их натур: «Умеренность и житейская мудрость – вот отличительные черты натуры Жуковского по вопросу о применении теории к жизни. При таких качествах теория оказывалась содействующею у Жуковского мудрому устройению своей внутренней жизни, мирных отношений к людям, нимало не стесняющею сил и деятельности таланта. У Гоголя было не то. Многосложен его характер, и до сих пор загадочны многие черты его. (Последняя фраза звучит по-гоголевски – и по стилистике, и по пафосу.) Но то очевидно с первого взгляда, что отличительным качеством его натуры была энергия, сила, страсть; это был один из тех энтузиастов от природы, которым нет середины: или дремать, или кипеть жизнью; увлечение радостным чувством жизни или страданием, а если нет ни того, ни другого – тяжелая тоска» (1948b, с. 662-663).

Выделенное нами выше второе направление анализа гоголевских материалов существенно отличается по манере. Говоря о периоде «умственного мужания», Чернышевский довольно быстро перестает приводить аргументы, связанные с прямой зависимостью Гоголя от влияния среды. Анализ писем в методическом отношении совершенно иной. Сопоставление писем разного периода подчинено доказательству мысли о последовательном духовном развитии вопреки представлениям о его резком переломе. Именно здесь обнаруживается несогласованность трактовок при сохранении общей интенции высказывания. Забегая вперед, отметим, что этот эффект рассматривается здесь как вполне сознательный шаг и не расценивается как авторская оплошность.

Оспорив в начале статьи стереотипное мнение об аскетизме Гоголя последних десятилетий, «несообразном» с представлением публики «о следствиях, естественно вытекающих из прежних сочинений Гоголя» (Чернышевский, 1948b, с. 641), и указав на слишком общий смысл этого понятия, Чернышевский возвращается к понятию аскетизма снова и использует его как эквивалент христианства. По существу, он называет аскетизмом предельную степень проявления христианских представлений, требований, предъявляемых к другим людям и обществу в целом, а еще более жестко и непреклонно – к самому себе, проявлению взглядов, не претерпевших никаких изменений с самой юности. Обоснованием служит развернутое сопоставление изданных ранних писем Гоголя к матери и ближайшим знакомым с его письмами зрелого периода.

Ко второму периоду жизни и творчества им относятся и появление первого тома «Мертвых душ». Гоголь, как пишет Чернышевский, апеллируя к письмам, в этот период «не видел возможности изменять в художественных произведениях своему прежнему направлению» (1948b, с. 660). То же суждение относит Чернышевский и ко второму тому. Он продолжает: «...тем большую цену приобретают слова Гоголя о невозможности изобразить в художественном произведении жизнь с примирительной точки зрения» (Чернышевский, 1948b, с. 660).

Нельзя не заметить, что, по мысли Чернышевского, «невозможность изобразить жизнь с примирительной точки зрения» периода «Ревизора» и периода «Мертвых душ» одна и та же. Однако в параметрах прежде высказанного суждения о первом периоде жизни – это «инстинкт благородной и энергической натуры», реакция на «частный факт», а во втором, отмеченном «Мертвыми душами», речь идет о «системе общих убеждений», которая, как показывает Чернышевский, основывается на христианских представлениях Гоголя, оставшихся неизменными на протяжении всей жизни.

Очевидные противоречия, отмеченные выше, при первом приближении кажутся лежащими в области выстраивания текста или в логике самого высказывания. На наш взгляд, они свидетельствуют о внутренней двойственности пишущего. Двойственность фиксируется на пересечении рациональных построений критика, его теоретического обоснования искусства и пути художника с живым эстетическим чувством, которым Чернышевский, бесспорно, обладал. «Случай Гоголя» ярко свидетельствует об этом кажущемся противоречии, если смотреть не на отдельную рецензию или статью о Гоголе, а на их совокупность в динамическом аспекте развития идей Чернышевского-теоретика, Чернышевского-критика и восприятия Гоголя Чернышевским-читателем. По логике концепции Чернышевского, выраженной в «Эстетических отношениях...» и далее закрепленной в базовых принципах «реальной школы», погрешности мировоззрения художника неизбежно приводят к понижению эстетического уровня его произведений: искусство неполноценно, неправдиво без «приговора» мыслящего художника. Судить о верности или ошибочности «приговора» как раз и призвана критика, о чем Чернышевский пишет в статье «Об искренности в критике» (1854), ставшей ответом «эстетикам», упрекавшим «Современник» за резкость суждений, и далее ту же мысль он развивает в «Очерках...». «Суждение о достоинстве и недостатках какого-нибудь литературного произведения» здесь прямо связывается с тем, насколько верно автор понимает действительность (Чернышевский, 1949a, с. 254). Нельзя не заметить, что в отношении высокой оценки Гоголя-художника Чернышевский будто совсем и не руководствуется выработанной концепцией. Соответствие ей отчетливо проявляется в разборе ошибочности взглядов Гоголя, но никак не проявляется и не увязывается с высочайшей оценкой художественных достоинств его произведений, включая поздние.

Вновь обратимся к историко-литературному контексту высказываний Чернышевского, образованному разными печатными откликами критиков на издания ранее неизвестных гоголевских текстов и материалов

о нем. Как мы указали в начале статьи, критик не был одинок ни в высокой оценке позднего Гоголя, ни в полемике с критиками 1840-х гг., и с Белинским в частности. Теперь обозначим отличия, существенные для понимания особенностей интенции Чернышевского-критика. Кроме общего контекста обсуждения, следует учитывать и внутрижурнальный контекст, в котором развивалось противостояние «эстетической» и «реальной» критики. И в высшей степени положительно настроенные «эстетики» Дудышкин, Дружинин, и москвитянинцы Алмазов, Григорьев, и, например, не относящийся к литературным «лагерям» Рыжов (1855) не входили в круг новой, формирующейся демократической критики, напротив, все они противостояли ей в программных вопросах. В то же время сторонники «реальной школы» шли за Белинским, и публикации посмертных произведений не изменили ситуацию. Усилиями Чернышевского Гоголь – во всей полноте личности и творчества – должен был занять подобающее место и в концепции «реальной критики», и в исторической перспективе литературного развития. Однако приходится признать, что эти усилия не увенчались успехом.

Частным, но вполне характерным свидетельством этого можно считать два «по случаю» оброненных в 1859 г. мнения о «Переписке» Д. Писарева и Н. Добролюбова – критиков, явно не придавших значения совсем недавно прошедшей в печати кампании по защите позднего Гоголя.

Писарев, еще студент университета и сотрудник журнала для взрослых девиц, в частности, в начале рецензии на статью Н. Гербея об отношениях Гоголя с Н. Я. Прокоповичем (Рассвет. 1859. Т. 1. № 2) называет Гоголя «первым нашим народным исключительно русским поэтом» (2000, с. 80), но заканчивает повторением мифа о «горестном перевороте» в жизни писателя, «вследствие которого он вдался в ханжество и отрекся от лучших своих произведений», и утверждением правоты Белинского в отрицании «Переписки» (2000, с. 82). В том же году Добролюбов, уже ведущий критик «Современника», в известной статье «Темное царство», посреди рассуждений о «Грозе» Островского, как и Писарев, «возвращается» к Белинскому: «...критика Белинского не трогала гоголевских теорий, пока он являлся пред нею просто как художник; она ополчилась на него тогда, когда он провозгласил себя нравоучителем и вышел к публике не с живым рассказом, а с книжицею назидательных советов...» (1962, с. 70). Не останавливаясь подробно на оспаривании Чернышевским мнения Белинского о позднем Гоголе, адресуем читателя к статьям Г. О. Берлинера (1936, с. 472-526) и Ю. Д. Марголиса (1998, с. 116-128). Отметим исключительность появления указанных работ, чей полемический пафос направлен на господствующую тенденцию традиционного чернышевсковедения, где противоречия между оценками позднего Гоголя Чернышевским и Белинским сглажены или редуцированы.

Заключение

Исследование гоголевской концепции Чернышевского, сформировавшейся в 1850-е гг., а также динамики «гоголевского сюжета» в контексте журнального и общественного обсуждения этого и последующих десятилетий позволяет прийти к выводам, требующим коррекции сложившегося представления как о мнении критика относительно места позднего Гоголя в общей картине литературного развития, так и о неизменности взглядов Чернышевского на природу искусства и художественного творчества в рамках теории реалистического искусства.

В общей тенденции печатных высказываний середины века о Гоголе, прежде всего, как авторе «Переписки», признаваемой важным и органически сформировавшимся звеном гоголевской биографии, Чернышевский лидирует и по количеству, и по методичному развертыванию этих положений. В период своего самого продуктивного десятилетия, в пределах которого сложились и были постулированы критиком базовые идеи, связанные с литературой и ее ролью в жизни общества, Гоголь являлся главной писательской фигурой, занимавшей критика. Понимание гениальности Гоголя, названного в «Очерках...» «без всякого сравнения величайшим из русских писателей по значению» (Чернышевский, 1947с, с. 9), очевидным образом преодолевало противоречия, заложенные в теории реалистического искусства, и Чернышевский готов был следовать за художником даже вразрез с собственными идеями. Такой способностью, судя по всему, не обладали последователи критика, и в ходе общественных и литературных перемен в последующие десятилетия пожертвовали и авторитетом критика, и самим Гоголем.

В критике второй половины XIX века, как и в последующее время, включая чернышевсковедение XX века, рассмотренный историко-литературный сюжет продолжал развиваться, при этом в исследовательских интерпретациях взгляды Чернышевского на Гоголя были существенно перетолкованы: в главном были сняты противоречия, существовавшие между взглядами двух великих критиков. Изучение этой темы и составляет перспективу дальнейшего исследования, что предполагает необходимость как дальнейшей разработки необходимого материала, так и современной научной рецепции.

Материалы исследования | Research materials

1. [Басистов П. Е.] Записки о жизни Н. В. Гоголя... Статья первая // Отечественные записки. 1856. Т. 109. № 9.
2. Добролюбов Н. А. Темное царство // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Л. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. Т. 5.
3. Дружинин А. В. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // Прекрасное и вечное / вступ. статья и сост. Н. Н. Скатова; коммент. В. А. Котельникова. М.: Современник, 1988.
4. Дудышкин С. С. Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. Санктпетербург. 1854 // Отечественные записки. 1854. Т. 109. № 11.

5. Писарев Д. И. «Николай Яковлевич Прокопович и отношение его к Гоголю» Н. В. Гербея // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М.: Наука, 2000. Т. 1.
6. Рыжов А. И. Николай Васильевич Гоголь и его сочинения // Библиотека для чтения. 1855. № 10, 11.
7. Чернышевский Н. Г. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947а. Т. 3.
8. Чернышевский Н. Г. Об искренности в критике // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1949а. Т. 2.
9. Чернышевский Н. Г. [О сочинениях Гоголя] // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947б. Т. 3.
10. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947с. Т. 3.
11. Чернышевский Н. Г. Сочинения В. Жуковского // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1948а. Т. 4.
12. Чернышевский Н. Г. Сочинения и письма Гоголя, изд. П. А. Кулиша // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1948б. Т. 4.
13. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1949б. Т. 2.
14. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Предисловие к третьему изданию // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1949с. Т. 2.
15. Шевырев С. П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1.

Источники | References

1. Берлинер Г. О. Чернышевский и Гоголь // Н. В. Гоголь: материалы и исследования / Ин-т рус. лит. АН СССР; под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2.
2. Винокур Г. О. Биография и культура // Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997.
3. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828-1858). М. – СПб.: Петроглиф, 2015.
4. Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь: материалы и исследования / Ин-т рус. лит. АН СССР; под ред. В. В. Гиппиуса; отв. ред. Ю. Г. Оксман. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2.
5. Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. М.: Летний сад, 2009.
6. Жук А. А. Комментарий // Н. Г. Чернышевский. Литературная критика: в 2 т. М.: Худ. лит., 1981. Т. 2. Статьи и рецензии 1856-1862 годов.
7. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: истоки и эстетическое своеобразие. Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1974.
8. Марголис Ю. Д. Н. Г. Чернышевский против В. Г. Белинского // Марголис Ю. Д. Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Основные вехи восприятия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998.
9. Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828-1889). СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1909.

Информация об авторах | Author information

- RU** Печерская Татьяна Ивановна¹, д. филол. н., проф.
 Падерина Екатерина Геннадьевна², д. филол. н.
¹ Новосибирский государственный педагогический университет
² Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

- EN** Tatyana Ivanovna Pecherskaya¹, Dr
 Ekaterina Gennad'evna Paderina², Dr
¹ Novosibirsk State Pedagogical University
² Institute of World Literature A. M. Gorky, Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ ptatiana9@gmail.com, ² kbogan@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2025; опубликовано online (published online): 08.10.2025.

Ключевые слова (keywords): Н. Г. Чернышевский; В. Г. Белинский; поздний Гоголь; реальная критика; история критики; N. G. Chernyshevsky; V. G. Belinsky; later works of Gogol; real criticism; history of literary criticism.